

Талант не пройдет!

Конкурс Чайковского в мировом контексте

Творческие и организационные скандалы Двенадцатого конкурса имени Чайковского позади. Забудете? Нельзя забывать, считает Николай ПЕТРОВ. Иначе все повторится вновь. На этот раз монолог знаменитого пианиста (и опытного члена жюри) не столько о проблемах конкретного конкурса, сколько о кризисе конкурсного дела вообще.

Есть замечательная аналогия тому, что происходит, — спорт. Казалось бы, музыка — вещь субъективная, а то, что спринтер первым разорвал финишную ленточку, — бесспорный факт. Ошибка. Оказывается, можно подмешать чемпиону в кофе эфедринчику, а через два дня взять анализы и заявить, что он принял допинг. Можно не засчитывать гол в футболе или дать два «золота» в фигурном катании. Это те самые раковые клетки коррупции, тенденциозности, необъективности, которые пожирают сегодня любые творческие соревнования. Причем никто даже не хочет искать пути избавления от них. Хотя эти пути, на мой взгляд, очевидны.

Сейчас все международные конкурсы находятся в одном ранге. Захлустный конкурс в провинциальном городке и престижнейшее соревнование имени Клайберна дает победителям абсолютно одинаковый статус: лауреат международного конкурса. Но существуют же лиги в футболе и баскетболе — вторая, первая, высшая. Казалось бы, логично разделить и творческие соревнования по значимости на категории. Однако никто этого не делает, хотя сделать это нетрудно, исходя хотя бы из размеров премиального фонда. Первая премия Конкурса имени Клайберна в 30 тысяч долларов — одно, а тысяча долларов в какой-нибудь деревушке — другое. Причем, что они еще в этой деревушке порой делают! Первую — вторую премии не дают, чтобы сохранить деньги в бюджете. Дают третью — и ее обладатель уже, разумеется, именуется лауреатом, как и тот, кто победил на наименее престижном дирижерском Конкурсе имени Караяна. Одно «но». По условиям караяновского конкурса, право писать в афишах «лауреат» имеет только обладатель первой премии, остальным — деньги, ангажементы. Все. И это справедливо. Потому что, по моему глубокому убеждению, премии вообще не должно быть много. Максимум три. А сегодня есть конкурсы, где присуждается до двенадцати

премий. Но если бы дело было только в количестве! Я вспоминаю, как в Бальцано, где я был членом жюри, «золотые» лауреаты конкурсов, состоящих в Ассоциации международных конкурсов, освобождались от участия в первом туре. На второй тур приехали девять таких лауреатов. Казалось бы, они и должны были занять первые места. Но до финала дошел только один, который в итоге поделил с кем-то шестое место. Значит, чего стоят эти премии? И почему солидный процент «золотых» лауреатов так скоро исчезает из концертной и фестивальной орбиты? Позволю себе утверждать: потому что премия получена или случайно, или, что гораздо чаще, в результате сговора и махинаций членов жюри.

К сожалению, в настоящее время конкурсы вне зависимости от значимости и места проведения, за редчайшим исключением, являют собой не соревнование молодых музыкантов, а соревнование их педагогов, озбоченных одной целью — протащить своего ученика и как следствие, повысить ставку за свой частный урок на 25 долларов. Естественно, работа педагога, у которого больше учеников-лауреатов, в любой точке земного шара стоит значительно дороже, чем работа их менее титулованных коллег. Тем же объясняется и сговорчивость прочих членов жюри. Приглашают, к примеру, в жюри Конкурса Чайковского некую иностранную мадам и быстренько объясняют, что она должна делать, если хочет быть приглашенной на конкурс еще раз. А Конкурс Чайковского, несмотря на то, что он, на мой взгляд, себя полностью дискредитировал, в биографии любого педагога — престижная строка. Поработал в его жюри — те самые дополнительные двадцать пять долларов за урок. Пригласили второй раз — еще двадцать пять долларов. Вот вам механика выращивания послушно голосующих кадров. Я знаю, сколько «праведного» гнева обрушится на меня за это утверждение. И, возможно, не стал бы об

этом говорить, — если бы не статья блистательного музыканта и порядочнейшего человека Элиса Вирсаладзе, которая во всем этом варилась и которая, когда я ее встретил, сказала: «Как это было противно». Григорий Соколов, которого я однажды пригласил в жюри Всероссийского конкурса имени Сафонова, выразился категоричнее: «Я в этой шайке участвовать не буду». Так вот сейчас большинство конкурсов спокойно можно назвать «шайкой». Потому что убить можно не только кинжалом. Почему я открыл свой фонд? Потому что это позволяет мне выводить на концертную эстраду людей, которых «убили». У меня сейчас лежат две кассеты с записями пианиста по фамилии Курбанов. Ему 30 лет. Когда я их прослушал, у меня была одна мысль: как может быть, чтобы такой виртуоз прозябал в каком-то музучилище? А это выдающийся виртуоз в прямом понимании этого слова! Я привезу его в Москву, в будущем году он будет играть на моем фестивале в Кремле. Но таким обиженным, засуженным на конкурсах несть числа. Что делать?

Первое — поставить вопрос перед Ассоциацией международных конкурсов о незамедлительном введении правила: педагог не имеет права представлять собственных учеников на конкурсах, где он член жюри. Второе — на конкурсах должно быть только открытое голосование. Это то, чего больше всего боятся коррумпированные судьи. История знает, как в свое время на пост ректора Московской консерватории баллотировался великий Нейгауз. На представительнейшем ученом совете все как один говорили, какой он замечательный и как, став ректором, подымет консерваторию. А когда обнародовали результаты голосования, обнаружилось, что он получил черные шары. Все до единого. Вот что такое тайное голосование. Третье — необходимо изменить систему приемных экзаменов в консерватории. Какая связь с конкурсами? Прямая. Вступительный экзамен — тот же конкурс, и здесь пыльным цветом расцвело все то, о чем я говорил в отношении музыкальных соревнований. Раскрываю карты. К великому сожалению, педагоги консерваторий имеют так называемую нагрузку. Для того чтобы выработать свои несчастные 2 — 3 тысячи

рублей, преподаватель должен иметь определенное число учеников. Есть педагоги, к которым поступают многие, в частности, к тем, кто умеет делать своим ученикам премии. Они известны. А что делать тем, к кому наплыва нет? Эти педагоги крутятся среди абитуриентов и предлагают: хотите поступить в консерваторию — подавайте заявление ко мне в класс. Дальше начинаются махинации («завалить» абитуриента проще простого). В результате середняк становится студентом, а достойный отброшен. Вот где начинается расправа с талантом, которая потом продолжится на конкурсах. Мое глубокое убеждение: экзамены в Московской консерватории должны принимать главным образом профессора из Казани, Новосибирска, Нижнего Новгорода и других вузов, экзамены в Казанской консерватории — профессора из Москвы, Петербурга и т.д. Иначе — падение репутации Московской консерватории на международных конкурсах, где ее питомцы зарабатывают все меньше престижных премий (чему есть еще одна причина: если, к примеру, профессор Г. приезжает в Москву два раза в год на две недели перед сессиями, а в остальное время с ее учениками занимается неизвестно кто — говорю так не для того, чтобы обидеть ассистентов профессора, а потому что студенты поступали не к ассистентам, а к профессору, то стоит ли удивляться, что на конкурсах царит ремесло? Зато сегодня на соревнованиях регулярно побеждают выпускники Казанской консерватории, являющей собой пример подвижнического отношения к профессии и студентам).

И еще одна вещь. При Министерстве культуры существует Международный культурный центр, занимающийся фестивалями, конкурсами и спецмероприятиями. Так почему, если учредителем Конкурса Чайковского является министерство, конкурсом занимается не этот центр, а компания «Содружество»? Полное равнодушие оргкомитета, назначение на пост председателя фортепианного жюри человека, позволяющего себе заявлять: у нас некоррумпированных людей нет, скандальное появление в списках участников не прошедшей предварительный отбор японской пианистки и невразумительная отписка директора «Содружества» г-на Бутова по этому поводу, вопиющее хамство по отношению к уважаемым Дмитрию Башкирову и Хироко Накамура, без объяснений «отлученных» от жюри, — всем этим Оргкомитет и «Содружество» полностью дискредитировали себя и Конкурс Чайковского. Стоит ли Министерству культуры иметь такого партнера? И надо ли удивляться, что к нам не едут (на этом конкурсе практически не было ни европейских участников, ни американских). Кто пойдет в ресторан, заранее зная, что там невкусно, грязно и хамят? А надо всего лишь гарантировать честную игру. Вот тогда — поедут.

Я обращаюсь к министру культуры РФ, глубокоуважаемому Михаилу Ефимовичу Швыдкому, не только как музыкант, но и как гражданин России: необходимо срочно созвать коллегию министерства, на которой был бы поставлен вопрос: что делать с Конкурсом Чайковского? Талантливых молодых музыкантов в России не счесть. И дело Министерства культуры обеспечить нашим талантам достойное профессиональное обучение и защиту от «музыкальных» махинаторов.

Записала
Лариса ДОЛГАЧЕВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

На XII Конкурсе имени П.И. Чайковского

руководителю — 2002. — 25 июля — 7 авг. — 1.8

Педраб М.И. Колекин
(максимум)

7.08.02